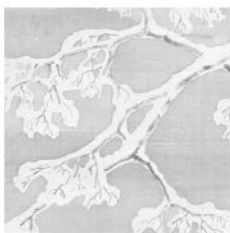

Изящная
классика
Востока

Нидзё

Непрошенная повесть

АЗБУКА
Санкт-Петербург

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44
Н 60

とわすがたり
二条

Перевод с японского Ирины Львовой

Перевод стихов Александра Долина

Серийное оформление и оформление обложки
Вадима Пожидаева-мл.

ISBN 978-5-389-22134-5

© А. А. Долин, перевод стихотворений, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

ПРЕДИСЛОВИЕ

У этой книги удивительная судьба. Созданная в самом начале XIV столетия придворной дамой по имени Нидзё, она пролежала в забвении без малого семь веков и только в 1940 г. была случайно обнаружена в недрах дворцового книгохранилища среди старинных рукописей, не имеющих отношения к изящной словесности. Это был список, изготовленный неизвестным переписчиком XVII столетия с утраченного оригинала. Ценность находки не вызвала сомнений, но рукописи снова не повезло — обстановка в Японии начала 1940-х годов не располагала к публикациям такого рода, несмотря на всю их художественную и познавательную значимость. Четвертый год шли военные действия в Китае, Япония готовилась к вступлению во Вторую мировую войну. Стержнем милитаристской идеологии был культ императора, принимавший все более реакционные формы. Повесть Нидзё, правдиво рисующая быт и нравы, существовавшие, пусть даже в далеком прошлом, при дворе японских императоров, «божественных предков», звучала бы в тех условиях недопустимым диссонансом. Так случилось, что «Непрощеная повесть» увидела свет лишь сравнительно недавно, в 60-х годах XX в. Появление этой книги стало сенсацией в литературных кругах Японии, привлекло внимание японских и зарубежных ученых, а со временем и широких читательских кругов. Ныне автобиографическая повесть Нидзё заняла достойное место в классическом наследии японской литературы, приоткрыла новые, яркие грани самобытной культуры японского средневековья.

Своеобразной была обстановка в Японии второй половины XIII столетия, на которую приходится годы жизни Нидзё (1258–?). Прошло уже больше полувека с тех пор, как после долгой кровопролитной междоусобицы власть в стране перешла от старинной родовой аристократии во главе с императорским домом к сословию воинов-самураев. На востоке страны, в селении Камакура, возникло новое правительство самураев, так называемое правительство Полевой Ставки (Бакуфу). Новая власть, в лице могущественных военно-феодальных домов Минамото, а затем Ходзё, конфисковала бóльшую часть земельных владений, принадлежавших императорскому дому и многим аристократическим семьям, тем самым подорвав экономическую и политическую основу господства аристократии. Разумеется, со стороны бывших властителей-императоров предпринимались попытки сопротивления, даже вооруженного (Смута годов Сёкю, 1219–1222), но правительство самураев без особых усилий справлялось с этими заговорами, не подкрепленными сколько-нибудь реальной силой, казня зачинщиков и бесцеремонно отправляя в ссылку императоров.

Ко времени действия «Непрошеной повести», т. е. в конце XIII в., о сопротивлении уже не было речи. Во всех важнейших пунктах страны сидели наместники-самураи, зорко наблюдавшие не только за тем, чтобы рис — основа богатства в ту эпоху — неукоснительно поставлялся властям в Камакуре, но и за малейшими проявлениями неподчинения режиму. В столице, резиденции императоров, было даже двое наместников, следивших за императорами и их окружением, а заодно и друг за другом*. Правительство

* Так, убийство наместника Токискэ Ходзё, о котором упоминает «Непрошенная повесть» (свиток первый), произошло по прямому приказу правительства в Камакуре. Заподозренный в заговоре, он был убит самураями своего «коллеги», второго наместника, притом что являлся родным (старшим) братом главы правительства самураев.

Полевой Ставки полностью контролировало жизнь двора, ему принадлежало решающее слово даже в таком вопросе, как престолонаследие.

Новые правители, самураи, не уничтожили институт монархии; напротив, они его полностью сохранили, продолжая оказывать внешние почести императорскому дому. Больше того, заимствовав от бывшего режима систему регентства, теперь даже самого сёгуна, этого «Великого полководца, покоряющего варваров», назначали из числа малолетних принцев, отпрысков императорского семейства, а фактический глава нового режима (теперь он именовался не регентом, а правителем — сиккэн) вступал в должность лишь после соответствующего императорского указа. Излишне говорить, сколь фиктивный характер носили эти якобы высшие императорские prerogatives. Система регентства сохранялась и при дворе. Трон занимал ребенок (иногда годовалый!) или подросток, а его отец именовался «прежним» государем или, в случае принятия монашеского сана, государем-монахом. Такой порядок приводил к тому, что одновременно с «царствующим» императором имелось еще и несколько «прежних»*. У каждого из них был свой двор, свой штат придворных и т. п.

Междоусобные войны конца XII — начала XIII в. разорили и опустошили некогда пышную столицу Хэйан (современный г. Киото). Грандиозный дворцовый комплекс сгорел дотла. Постоянной императорской резиденции не существовало. Императоры жили в усадьбах знати, главным образом своей родни по женской линии. Так, часто упоминаемый в повести дворец Томикодзи, где с детства жила и до двадцати шести лет служила Нидзё, фактически

* Так, в «Непрошеной повести» описана сцена, когда на заупокойной службе по случаю третьей годовщины смерти императора Го-Фукакусы присутствовали «прежние» императоры — Фусими (сын), Го-Фусими (внук), Го-Уда (племянник). Царствующим императором был в это время Го-Нидзё (внучатый племянник).

принадлежал знатному семейству Сайондзи. Монополия брачных союзов с императорским домом принадлежала этой семье, потомкам некогда могущественного рода Фудзивара. «Законных» супруг обычно бывало две, реже три. Обе нередко доводились друг другу родными или двоюродными сестрами, а своему супругу, императору, — двоюродными сестрами или тетками*. Браки между кровной родней были обычным делом и заключались, как правило, в раннем возрасте и только по политическим соображениям. При средневековом японском дворе не существовало гарема, зато процветал институт наложниц.

Знатным мужчинам и женщинам, служившим при дворе, приходилось самим содержать себя, своих слуг и служанок, иметь свой выезд, они должны были заботиться о подобающих положению нарядах. Средств, поступавших в императорскую казну с санкции самурайского правительства, отнюдь не хватило бы для содержания пышной свиты. А свита по-прежнему была пышной, сохранялась многоступенчатая иерархия придворных званий и рангов, соблюдался сложный придворный ритуал, традиционные, освященные веками церемонии, празднества, всевозможные развлечения. Это был причудливый мир, где внешне все как будто бы осталось без изменений. Но только внешне — по существу же жизнь аристократии, всего императорского двора была своеобразным вращением на холостом ходу, ибо безвозвратно канул в прошлое былой порядок, когда власть в феодальном японском государстве принадлежала аристократии.

* Так, «главная» супруга императора Го-Фукакусы (именуемая в «Непрошеной повести» «государыней»), происходившая из семейства Сайондзи, была его родной теткой (младшей сестрой его матери, вдовствующей государыни Омияин). Брак был заключен, когда Го-Фукакусе было четырнадцать, а невесте двадцать пять лет. Вторая супруга Го-Фукакусы (госпожа Хигаси), также из рода Сайондзи, мать наследника, будущего императора Фусими, была двоюродной сестрой первой жены.

Разумеется, богатая культурная традиция, сложившаяся в аристократической среде в минувшие века, не могла погибнуть в одночасье. При дворе продолжались занятия искусством — музыкой, рисованием, литературой, главным образом поэзией, но также и прозой. Об этом убедительно свидетельствует «Непрощеная повесть» Нидзё, придворной дамы и фаворитки «прежнего» императора Го-Фукакусы.

Проза предшествующих веков была разнообразной не только по содержанию, но и по форме, знала практически все главные жанры: рассказ (новелла), эссе, повесть и даже роман — достаточно вспомнить знаменитую «Повесть о Гэндзи» («Гэндзи-моноготари», начало XI в.), монументальное произведение Мурасаки Сикибу, надолго ставшее образцом для подражания и в литературе, и даже в быту.

Уникальной особенностью классической средневековой японской прозы* может считаться ее лирический характер; проникновенное раскрытие духовной жизни, чувств и переживаний, человека как главная задача повествования — явление, не имеющее аналогов в мировой средневековой литературе. Лирический характер этой прозы особенно проявился в жанре, по традиции именуемом японцами дневниками (*никки*). Повествование строилось в форме поденных записей, отсюда и название, хотя по существу это были повести разнообразного содержания, чаще всего автобиографические. Это мог быть рассказ о путешествии или об эпизоде из жизни автора (история любви, например), а иногда и история целой жизни. К жанру дневников восходит и «Непрощеная повесть» Нидзё, написана она в русле давней литературной традиции. Перед нами не дневник в современном понимании этого слова. Правда, по-

* Имеется в виду проза IX–XII вв., часто именуемая в литературоведении хэйанской, по названию г. Хэйан, столицы и центра культурной жизни в ту эпоху.

весть строится по хронологическому принципу, но очевидно, что создана она, если можно так выразиться, «в один присест», на склоне жизни, как воспоминание о пережитом. Начитанная, образованная женщина, Нидзё строго соблюдает выработанный веками литературный канон, прибегает к аллюзиям и прямому цитированию из знаменитых сочинений не только Японии, но и Китая, обильно уснащает повествование стихами, наглядно показывая, какую важную, можно сказать, повседневно необходимую роль играла поэзия в той среде, в которой протекала жизнь Нидзё. Широко используются так называемые формульные слова: «рукава, орошаемые потоками слез» — для выражения печали, «жизнь, недолговечная, как роса на траве» — для передачи быстротечности, эфемерности всего сущего.

В текст повести не только вплетаются образы или фразы, заимствованные из классической литературы; нетрудно заметить, что многие эпизоды, как они поданы здесь, основаны на чисто литературных источниках, а не подсказаны личным опытом автора. Перепевом традиционных мотивов являются, например, сцены прощания с возлюбленным при свете побледневшей луны на предутреннем небе или сетования по поводу пения птиц, слишком рано возвестивших наступление утра, т. е. разлуку, — мотив, перешедший в литературу из древнейших народных песен. Заимствование поэтических ситуаций и образов — это почти неперемненное правило средневекового «литературного этикета» — для своего времени, безусловно, было весьма эффективным приемом. Современникам Нидзё, людям той среды, в которой она жила, были понятны многочисленные аллюзии, они расширяли поэтический диапазон текста, усиливали его эмоциональное звучание.

Как и другие средневековые авторы, Нидзё не стремится к созданию индивидуальных характеров. «Человек был в центре внимания искусства феодализма, — пишет акад. Д. С. Лихачев, — но человек не сам по себе, а в качестве

представителя определенной среды, определенной ступени в лестнице феодальных отношений»*. Этим объясняются пространные описания в повести нарядов, мужских и женских, при почти полном отсутствии внимания к изображению внешности персонажей. И дело тут не в тщеславии или чисто женском интересе — наряд наглядно и зримо определял место человека в социальной системе той эпохи. Даже описывая одну из самых скорбных минут своей жизни, когда слуга принес ей предсмертное послание ее возлюбленного, Нидзё не забывает сообщить, во что и как был одет этот слуга.

Означает ли все это, что повесть Нидзё — произведение эпигонское?

Нет, продолжая формально линию «высокой» литературы, повесть Нидзё явно отмечена новизной в сравнении с классическими образцами прошлого. Бросаются в глаза динамизм повествования, стремительное развертывание событий, короткие, полные экспрессии фразы, обилие прямой речи, диалогов, особенно в первых трех главах повести.

Главной, неформальной особенностью повести Нидзё, дающей право говорить не только о ее оригинальности, но и о трансформации веками устоявшегося литературного жанра дневников на рубеже XIII–XIV вв., является широта отображения современной автору жизни. Классические повести-дневники, созданные в так называемую эпоху Хэйан (IX–XII вв.), всегда носили сугубо лирический характер, изображали только переживания автора, его личную жизнь и то, что имело отношение к его судьбе. Нидзё, рассказывая историю своей жизни, включает в повествование не только многочисленные предания и легенды (преимущественно религиозного, буддийского содержания), но и сюжеты, выразительно рисующие

* Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М.; Л., 1958. С. 27.

быт, нравы и даже политические события средневековой Японии: изгнание очередного сёгуна, принца императорской крови, оказавшегося неуютным правительству самураев в Камакуре, соперничество родных братьев — «прежнего» императора Го-Фукакусы и его младшего брата, «царствующего», а затем «прежнего» императора Камэямы, убийство самурайского наместника в столице, огорчения «прежнего» государя Го-Фукакусы по поводу назначения наследника и «благополучное» решение этого вопроса самурайским правительством. Правда, о последнем событии сказано почти вскользь, но само упоминание о делах подобного рода в повести, написанной женщиной, можно считать явным нарушением былых литературных канонов. Нидзё считает возможным с сочувствием упомянуть о тяжелой доле простых людей. Она догадывается о горькой жизни так называемых дев веселья, пишет о жестоком обращении самурая с подневольными слугами — темы, немислимые в прежней литературе. Сочетая традиционные и новаторские черты, повесть Нидзё будто перебрасывает мост от классической литературы эпохи Хэйан к литературе развитого Средневековья.

Читатель не сможет не заметить, что «Непрошенная повесть» распадается как бы на две половины. Первая посвящена описанию светской жизни Нидзё, во второй (свитки четвертый и пятый) она предстает перед нами спустя четыре года уже буддийской монахиней, совсем одинокой, в изношенной черной рясе, а в заключительном, пятом свитке — еще через девять лет*, когда ей уже исполнился срок один год.

* Этот разрыв в девять лет и отсутствие рассказа о пострижении в монахини — события, исключительно важном в жизни Нидзё, — дали основания японским ученым-филологам, тщательно изучившим повесть Нидзё, прийти к выводу, что между третьим, четвертым и пятым свитками, возможно, существовали другие, утраченные.

Монашество — обычный финал многих женских судеб в эпоху феодализма. И все-таки можно сказать, что жизнь Нидзё сложилась особенно несчастливо. Судьба дважды, и притом в самом начале жизненного пути, нанесла ей удар, в значительной мере определив ее дальнейшую участь. Ей было пятнадцать лет, когда умер ее отец, и немногим более шестнадцати, когда умер ребенок, рожденный ею от императора. Останься маленький принц в живых, судьба Нидзё, быть может, не была бы такой трагичной. Смерть императорского отпрыска развеяла мечты о личной карьере, отняла надежду на восстановление былой славы ее знатного, но захудалого рода, а смерть отца означала утрату не только духовной, но и материальной опоры в жизни. Кто только не заботился о Нидзё! Ее поддерживали все понемножку — и родичи (дед, дядя), и любовник Сайондзи, и сам «прежний» император Го-Фукакуса, и его брат, тоже «прежний» император Камэяма, и даже старый министр Коноэ. Женщина, не имевшая поддержки влиятельной семьи, была совсем беспомощна в ту эпоху. Нидзё поневоле пришлось быть послушной чужим страстям и мимолетным капризам.

И все же, несмотря на все испытания, Нидзё не пала духом. На страницах ее повести возникает образ женщины, наделенной природным умом, разнообразными дарованиями, тонкой душой. Конечно, она была порождена своей средой, обременена всеми ее предрассудками, превыше всего ценила благородное происхождение, изысканные манеры, именовала самураев «восточными дикарями», с негодованием отмечала их невежество и жестокость. Но вместе с тем какая удивительная энергия, какое настойчивое, целеустремленное желание вырваться из порочного круга дворцовой жизни! Требовалось немало мужества, чтобы в конце концов это желание осуществилось. Такой и остается она в памяти — нищая монахиня с непокорной душой...

Перевод сделан по книге «Непрошенная повесть» (комментарий и послесловие Хидэити Фукуды, серия «Собрание классической японской литературы», выпуск 20. Токио: изд-во «Синтёся», 1980).

Необходимо отметить, что ряд мест в рукописи XVII в. (единственном сохранившемся экземпляре мемуаров Нидзё) вызывает разноречивые толкования японских комментаторов. В этих случаях мы придерживались вариантов, представлявшихся наиболее убедительными, в основном предложенных проф. Хидэити Фукудой в указанном выше издании.

И. Львова

Непрошенная
повесть

СВИТОК ПЕРВЫЙ

Миновала ночь, наступил новый, 8-й год Бунъэй¹, и, как только рассеялась туманная дымка праздничного новогоднего утра, дамы, служившие во дворце Томикодзи, словно только и ждали наступления этого счастливого часа, вышли в зал для дежурных, соперничая друг с другом блеском нарядов. Я тоже вышла и села рядом со всеми. Помню, в то утро я надела семислойное нижнее одеяние — цвет изменялся от бледно-розового к темно-красному, сверху — длинное, пурпурного цвета косодэ² и еще одно — светло-зеленое, а поверх всего — красное карагину, парадную накидку с рукавами. Косодэ было заткано узором, изображавшим ветви цветущей сливы над изгородью в китайском стиле... Обряд подношения праздничной чарки исполнял мой отец, дайнагон³, специально приехавший для этого во дворец. Когда торжественная часть церемонии закончилась, государь Го-Фукакуса⁴ удалился в свои покои, позвал отца, пригласили также женщин, и пошел пир горой, так что государь совсем захмелел. Мой отец, дайнагон, во время торжества по обычаю трижды подносивший государю sake, теперь предложил:

— За этой праздничной трапезой выпьем трижды три раза!

— Нет, на сей раз поступим иначе, — отвечал государь, — выпьем трижды по девять раз, пусть будет двадцать семь чарок!

Когда все уже окончательно опьянели, он пожаловал отцу чарку со своего стола и сказал:

— Пусть дикий гусь, которого я ждал так долго и так терпеливо, этой весной прилетит наконец в мой дом!

Отец с низким поклоном вернул государю полную чарку и удалился, кланяясь с особым почтением.

Я видела, прежде чем он ушел, государь что-то тихонько сказал ему, но откуда мне было знать, о чем они говорили?

Праздник закончился, я вернулась к себе и увидела письмо. «Еще вчера я не решался писать тебе, но сегодня наконец открою сердце...» — так начиналось послание. Тут же лежал подарок — восемь тонких, прозрачных нижних одеяний, постепенно переходящих от алого к белому цвету, темно-красное верхнее одеяние, еще одно, светло-зеленое, парадная накидка, шаровары-хакама, три косодэ одной расцветки, два косодэ — другой. Все завернуто в кусок ткани. Вот неожиданность! К рукаву одной из одежд был прикреплен тонкий лист бумаги со стихами:

Если нам не дано,
как птицам, бок о бок парящим,
крылья соединить —
пусть хотя бы наряд журавлиный
о любви напомнит порою!

Нужно было быть вовсе бесчувственной, чтобы оставить без ответа такой подарок, продуманный столь

тщательно и любовно... Но я все-таки отправила обратно весь сверток и написала:

«Ах, пристало ли мне
в златотканые платья рядиться,
доверяясь любви?
Как бы после в слезах горячих
не пришлось омыть те одежды...

Но если бы ваша любовь и впрямь была вечной, я с радостью носила бы эти одежды...»

Около полуночи, той же ночью, кто-то вдруг постучал в калитку. Девочка-прислужница, ничего не подозревая, отворила калитку. «Какой-то человек подал мне это и тотчас же исчез!» — сказала она, протягивая мне сверток. Оказалось, это тот самый сверток, что я отослала, и вдобавок — стихотворение:

Если клятвы любви
будут в сердце твоём неизменны,
эти платья надев,
успокойся и в час полночный
без меня почивай на ложе...

На сей раз я уже не знала, куда и кому возвращать эти наряды. Пришлось оставить их у себя.

Я надела эти одежды в третий день нового года, когда стало известно, что к нам, во дворец Томикодзи, пожалует государь-монах Го-Сага⁵, отец нашего государя.

— И цвет, и блеск ткани на диво хороши! Это государь Го-Фукакуса подарил тебе такой наряд? — спросил мой отец, дайнагон. Я невольно смутилась и ответила самым небрежным тоном:

— Нет, это подарок бабушки, госпожи Китаямы...

Вечером пятнадцатого дня из дома за мной прислали людей. Я была недовольна — что за спешка? — но отказаться не посмела, пришлось поехать. Усадьба удивила меня необычно праздничным видом. Все убранство — ширмы, занавеси, циновки — одно к одному нарядное, пышное. Но я подумала, что, вероятно, все это устроено по случаю наступления Нового года. Этот день прошел без каких-либо особых событий.

Назавтра с самого утра поднялась суматоха — совещались об угощении, обсуждали, где разместить кареты вельмож, куда поставить верховых коней...

— В чем дело? — спросила я, и отец, улыбнувшись, ответил:

— Видишь ли, по правде сказать, сегодня вечером государь Го-Фукакуса осчастливит своим посещением нашу усадьбу по случаю Перемены места⁶. Оттого и убрали все, как подобает. К тому же сейчас как раз начало нового года... А тебя я велел позвать, чтобы прислуживать государю.

— Странно, ведь до дня равноденствия еще далеко, с чего это вздумалось государю совершать Перемену места? — сказала я. Тут все засмеялись: «Да она еще совершеннейшее дитя!»

Но я все еще не понимала, в чем дело, а меж тем в моей спальне поставили роскошные ширмы, небольшую переносную перегородку — все нарядное, новое.

— Ой, разве в мою комнату пожалуют гости? Ее так разукрасили!.. — сказала я, но все только загадочно улыбались, и никто не стал мне ничего объяснять.

С наступлением вечера мне велели надеть белое кимоно и темно-пурпурные шаровары-хакама. Поставили дорогие ароматические курения, в доме стало как-то по-особому торжественно, празднично.

Нидзё

Н 60 Непрошенная повесть / Нидзё ; пер. с яп. И. Львовой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 352 с. — (Изящная классика Востока).

ISBN 978-5-389-22134-5

«Непрошенная повесть» создана в XIII веке наследницей некогда могущественной аристократической фамилии, родственной императорскому дому Японии, фрейлиной Нидзё. Это дневник умной, проницательной и одаренной женщины, которой выпало жить в эпоху, когда монархи Японии — и в целом аристократия — практически полностью лишились реальной власти, перешедшей к военачальникам-сёгунам. С властью ушла и значительная часть материальных богатств — земель и ценностей, конфискованных сёгунатом. Но многовековая культурная традиция не могла исчезнуть в одночасье: даже при лишенном резиденции императорском дворе по-прежнему слагали стихи и музыку, занимались рисованием и каллиграфией. Эта ускользающая красота — полупрозрачная, полупризрачная, как крылья осенней бабочки, которой уже не взлететь, — пронизывает страницы «Непрошенной повести».

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44

НИДЗЁ

НЕПРОШЕНАЯ ПОВЕСТЬ

Ответственный редактор Екатерина Дубянская
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Людмила Дубовая, Валентина Гончар

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 12.07.2024.
Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 15,51. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, к. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург к. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-CEL-31096-01-R